

УДК 94(47).081

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

© Наталья Матвеевна СЕЛИВЕРСТОВА

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и политологии, e-mail: nseliverstova@mail.ru

Одним из ключевых моментов в отечественной истории является отмена крепостного права. Тем не менее, до настоящего времени не была достаточно детально изучена социально-экономическая программа поместного дворянства в период подготовки крестьянской реформы. Являясь весьма заинтересованной в итогах реформы стороной, владельцы имений вступили в активный диалог с властью накануне отмены крепостного права. Ставится цель показать процесс выработки социально-экономической программы поместного дворянства в связи с начавшимся обсуждением отмены крепостного права, ее постепенную трансформацию по мере изменения правительственной программы крестьянской реформы. Рассматриваются наиболее важные факторы, определявшие содержание этой программы, ее основные элементы, включая отношение к самому крепостному праву, личным и имущественным правам крестьян, организацию выкупа земли. Широко используются архивные материалы, в т. ч. неопубликованные дворянские проекты отмены крепостного права, адресованные в Главный комитет по крестьянскому делу. Делается вывод о существовании обратной связи между правительственной программой отмены крепостного права и социально-экономической программой поместного дворянства, сформированной им в предреформенный период.

Ключевые слова: дворянство; крестьянство; крепостное право; помещики; крестьянская реформа 1861 г.

В современном российском общественном сознании и отечественной историографии доминирует точка зрения, согласно которой роль дворянских комитетов по подготовке крестьянской реформы и шире – всего дворянского общества в выработке программы освобождения крестьян была либо весьма незначительной, либо вообще негативной. Но подобные представления оспаривались многими, начиная с современников событий, их участников и свидетелей, об этом говорили и различные исследователи, посвящавшие свои работы истории крестьянской реформы. Например, И.И. Иванюков так характеризовал ошибочные представления о роли дворянства в деле подготовки отмены крепостного права: «В обществе существует легенда, будто положения дворянских комитетов представляют целиком безобразный и ни к чему негодный хлам крепостнических тенденций, в котором только кое-где, в голове случайно замешавшихся единиц, мелькали здравая мысль и добросовестное отношение; будто Положение 19 февраля сочинил кружок умных и честных либералов, а общество ни причем и скорее мешало» [1, с. 166].

Достаточно подробно анализ помещичьих программ для предстоящей крестьянской реформы был предпринят А.А. Корниловым в его работе «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858–1859 гг.» [2]. Эта статья рассматривает не только программы губернских дворянских комитетов и их членов, но и само состояние крестьянского вопроса, каким его себе представляло общество и власть в период, начиная с предшествующего николаевского царствования и вплоть до отмены крепостного права.

Это же направление исследований продолжил Н.М. Дружинин в своей статье о деятельности «Журнала землевладельцев» в период подготовки крестьянской реформы. Крупнейший советский историк в своей ранней работе обратился к изучению позиции поместного провинциального дворянства по отношению к готовящейся отмене крепостного права. Согласно его выводам большинство публикаций в журнале, весьма популярном в поместной среде, основывалось на выводе о необходимости освобождения крепостного труда [3, с. 27].

В своем фундаментальном труде, посвященном подготовке крестьянской реформы,

Л.Г. Захарова значительное внимание уделила процессу выработки правительственной программы отмены крепостного права. На стадии работы Редакционных комиссий, и особенно в период призыва депутатов от губернских комитетов по крестьянскому делу, происходило весьма активное взаимодействие точек зрения помещичьего дворянства и правительственных структур. При этом программа, отстаиваемая Редакционными комиссиями, не была принята подавляющим большинством дворянства [4, с. 321]. Этим событиям и их осмыслению было уделено достаточно внимания на страницах монографии, ставшей эпохой в изучении крестьянской реформы 1861 г.

Чтобы охарактеризовать экономическую программу российского дворянства периода отмены крепостного права в целом, понять, как она складывалась, какие варианты решения крестьянского вопроса предлагались различными социальными группами внутри высшего сословия, необходимо учесть три группы факторов. Первая – несомненно, программа экономических преобразований, предлагаемая индивидом как представителем конкретной социальной общности, зависит от объективных условий, от социального статуса этой группы, от конкретно-исторических экономических условий существования, способа получения основного дохода и т. д. Две другие группы факторов носят в той или иной степени субъективный характер. Ко второй группе можно отнести те экономические теории, которые в изучаемое время считаются наиболее актуальными, распространенными, знакомство с которыми позволяет интериоризировать их и оперировать ими с достаточной легкостью. Эта группа факторов может быть применена только к такой социальной группе, которая в силу образовательного и культурного уровня способна воспринять господствующие в обществе интеллектуальные концепции. Российское дворянство середины XIX в. в своей массе обладало достаточным уровнем образования, для того чтобы иметь возможность воспринять современные экономические и общеисторические концепции, хотя бы в общих чертах. Третья группа факторов – личностный опыт, пристрастия, культурные предпочтения, определяемые воспитанием, кругом общения, индивидуальными характе-

ристиками. Причем не следует недооценивать именно эту, последнюю группу факторов. Поскольку совершенно очевидно, что при равенстве прочих факторов она может иметь определяющее значение при выборе позиции отдельной личности.

Важнейшими характеристиками любой социальной группы, а значит и сословия, в т. ч. являются данные об его экономическом положении. Несмотря на то, что для сословия важнейшим определяющим фактором является его правовой статус, экономические характеристики позволяют выделить различные группы в составе сословия, различающиеся по имущественному признаку и способам получения основного дохода, что во многом, если не напрямую, но опосредованно сказывалось на особенностях социального сознания и вариантах поведения разных его представителей.

Экономическое положение российского дворянства в дореформенное время прежде всего определялось размерами принадлежащих им населенных имений, куда включались данные о площади земель и количестве прикрепленных к ним крестьян. Но привилегией владения населенными землями обладали только потомственные дворяне. Личными дворянами, как правило, становились на государственной службе, и поэтому имущественное благосостояние этой части высшего сословия в основном зависело от размеров жалованья. Потомственный дворянин, владелец поместья, состоявший на гражданской или военной службе, был в большей степени независим от государственного содержания.

Неоднократно отмечалось, что в дореформенный период помещичье хозяйство велось по преимуществу традиционными методами, было в массе своей малоэффективным. Основным способом повышения доходности имений оставалось увеличение крестьянских повинностей: барщины и оброка. В барщинных имениях происходило неуклонное расширение помещичьей запашки и увеличивалось число барщинных дней, а в оброчных имениях увеличение размера оброка происходило с быстротой, опережавшей рост доходности крестьянского хозяйства.

При этом состояние помещичьего хозяйства в дореформенной России напрямую зависело от положения дел в хозяйстве подвластных ему крепостных крестьян, составляя

вместе с ним единый комплекс. Что немаловажно, эта основополагающая связь вполне осознавалась многими из помещиков, и, прежде всего, теми, кто задумывался о возможностях изменений устаревшей экономической модели, замене подневольного труда свободным.

Еще одним важным фактором, характеризующим состояние помещичьего хозяйства накануне крестьянской реформы и в серьезной степени повлиявшим на выработку помещичьим дворянством собственной точки зрения на предстоящие преобразования, являлась огромная задолженность владельцев имений кредитным учреждениям. В масштабе Российской империи на 1 января 1859 г. общая сумма помещичьего долга составляла 425 503 061 руб. Из 111 693 имений было заложено в разных банках и у частных лиц 44 166, т. е. 39,54 % [5, с. 136].

В то же время в первой половине XIX в. постоянно увеличивалось количество поместий, владельцы которых стремились модернизировать и рационализировать производство сельскохозяйственной продукции за счет использования новых методов агрокультуры, улучшенного семенного материала, современных сельскохозяйственных машин. Активно действовали различные экономические и сельскохозяйственные общества, в помещичьей среде чтение специализированных изданий, посвященных вопросам ведения рационального хозяйства на селе, было делом достаточно обычным. Особенно оживляются эти процессы в последние предреформенные годы [6, с. 371-372]. Теснейшим образом рационализация помещичьего хозяйства была связана с распространением сферы действия товарно-денежных отношений. В свою очередь, растущая популярность в обществе современных западных экономических теорий в годы, предшествовавшие реформам 60–70 гг. XIX в., имела следствием все более явственное осознание необходимости модернизации устаревших социальных структур, связанных с функционированием крепостных отношений. В обществе в то время весьма распространены были идеи Ж.Б. Сэя, продолжателя А. Смита, который выделял три главных фактора производства: труд, капитал и землю, из которых фактору капитала отводилась ведущая роль. В полном соответствии с господствовавшими в сере-

дине XIX в. экономическими концепциями ключевым условием перестройки помещичьего хозяйства считалось наличие необходимых для этого свободных капиталов.

Эти средства предполагалось использовать при переходе от использования крепостного труда к вольнонаемному. Причем, если уже в первые пореформенные годы сложность этой перестройки стала очевидна для большинства практикующих хозяев, то до отмены крепостного права очевидные выгоды вольнонаемного труда предполагались большинству помещиков настолько значительными, что о проблемах перехода задумывались немногие.

Можно выделить несколько этапов, в ходе которых в дворянской среде происходило постепенное оформление экономической программы преобразований в аграрной сфере, включая отмену крепостного права. Первый, ранний этап может условно охватывать период до окончания Крымской войны.

Второй период связывается с подготовительными работами к крестьянской реформе, он был ознаменован созданием 3 сентября 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу, переименованного впоследствии в Главный комитет, а также работой губернских дворянских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. Третий период начинается со времени открытия Редакционных комиссий и заканчивается принятием Положений 19 февраля 1861 г. И, наконец, последний, четвертый период охватывает несколько пореформенных лет, когда в дворянской среде еще могли существовать надежды на возможный пересмотр условий крестьянской реформы. Очевидно, что наиболее активная работа по выработке социально-экономической программы помещичьего дворянства приходится на те годы, когда само правительство занималось подготовкой крестьянской реформы.

После окончания Крымской войны власть начинает делать первые шаги на пути к подготовке отмены крепостного права. В это время высшее сословие, достаточно неоднородное и дифференцированное как по имущественному признаку, так и по своим общественно-политическим установкам, оказывается перед необходимостью выработки собственной программы в этом вопросе. Неоднократно отмечалось, что уже в самом на-

чале царствования Александра II необходимость перемен, и, прежде всего, уничтожения крепостных отношений, начинает осознаваться значительной частью политической элиты, и, прежде всего, либеральной бюрократией. Колыбелью крестьянской реформы становится Министерство внутренних дел и его земский отдел. В то же время и в среде помещного дворянства реформаторские идеи, затрагивавшие сущность крепостных отношений, их социально-правовое и социально-экономическое обоснование, становятся все более распространенными. В этом было существенное отличие от предшествующей николаевской эпохи, когда идея о том, что крепостное право постепенно изжило себя и является тормозом экономического развития, становилась достоянием незначительной части образованного дворянского общества.

Тем не менее, идеи о незыблемости крепостного права оставались достаточно укорененными в дворянской среде. Даже накануне 1861 г. среди провинциального помещного дворянства по-прежнему оставались прочными позиции тех, кто считал крепостное право чрезвычайно полезным для России институтом.

Так, помещик Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии П.Я. Успенский в своем письме от 22 ноября 1859 г. А.Ф. Орлову, возглавлявшему Главный комитет по крестьянскому делу, предлагал не отменить крепостное право, а напротив, расширить сферу его применения, распространив на государственных крестьян [7, л. 138-139об.]. С его точки зрения, это поможет существенно сократить расходы на содержание административного аппарата за счет уничтожения структур Министерства государственных имуществ.

В своей записке, направленной в Главный комитет по крестьянскому делу, помещик Н.А. Никифоров представил целый очерк развития крепостного права в России. Он доказывал, что крепостное состояние «постепенно ...утвердилось в отечестве нашем, не злоупотреблением и не произволом частных лиц или владельцев земли, но рядом повременных узаконений, изданных мудрейшими из русских монархов, начиная от Иоанна III до Екатерины Великой включительно» [8, л. 60-61]. Автор записки отмечал,

«что учреждение крепостного состояния водворило порядок между поселянами, обеспечило Правительство в исправном взносе податей, а землевладельцев в постоянной оседлости у них крестьян...». Тем не менее, признавая исторические заслуги крепостного права, Н.А. Никифоров подчеркивает, что «в видах прогресса нравственного и политического» следует его упразднить, поскольку «оно тягостно для личности человека, затрудняет нравственное и промышленное его развитие» [8, л. 61].

Взгляды Ф.С. Офросимова, помещика Пронского уезда Рязанской губернии, на саму природу и назначение крестьянской реформы также не вполне укладываются в упрощенные клише, выстроенные по схеме «сторонник» либо «противник реформы». Получивший образование на юридическом факультете Московского университета, этот талантливый представитель старинного рода был среди первых представителей рязанского дворянства, поставивших свои подписи под адресом, в котором выражалась просьба об открытии в губернии комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. П.П. Семенов Тян-Шанский называл его «человеком выдающегося ума» [9, с. 108]. Но он, также как и его сторонники в губернском крестьянском комитете, выступал за максимально возможное сохранение status quo. В качестве исходного принципа выдвигалось следующее требование: «Помещики сохраняют неотъемлемое право собственности на всю землю без различия той, которая находится в пользовании помещика и отведена в пользование крестьян» [10, л. 3]. Что же касается освобожденных крепостных, то консервативное большинство рязанского комитета выступало за передачу им только в пользование как усадебной, так и пахотной земли [11, л. 24]. За это крестьянин должен был платить весьма серьезные суммы, которые рассчитывались в зависимости от ценности земли. Само право пользования могло сохраняться за бывшими помещичьими крестьянами на протяжении переходного двенадцатилетнего периода, по истечении которого все земли должны были вернуться помещику. Личные повинности крестьян также должны были подлежать выкупу, при этом для дворовых также не делалось исключения [10, л. 12-14]. Что же оставалось на долю крестьян? Личная

свобода, не обремененная никакими правами на земельную собственность.

Надо сказать, что среди помещиков различных губерний на различных этапах подготовки крестьянской реформы были весьма популярны проекты отмены крепостного права, предусматривающие личное освобождение крестьян без наделения их землей.

Один из крупнейших помещиков Российской империи граф В.П. Орлов-Давыдов, владевший огромными имениями в различных губерниях, также являлся автором записки о возможных путях решения крестьянского вопроса. В достаточно решительных выражениях он подверг критике правительственную программу реформы. Особенно останавливаясь на положении помещичьего хозяйства в центральных нечерноземных губерниях, он говорит о его незавидном состоянии, когда земля истощена, а крестьяне отрабатывают оброк вдали от своих деревень. Он писал: «ценность многих имений российских зависит не от количества земли, но от числа крепостных людей, живущих на этой земле или удаляющихся от нее на промыслы, но платящих постоянную дань или оброк» [12, л. 119-119об.]. Исходя из этих условий, В.П. Орлов-Давыдов считал несправедливым тот вариант крестьянской реформы, когда крестьяне платят помещику только за выкупаемую землю, а не за личность, и называл его «передачей собственности из рук помещичьих в крестьянские». Он отмечал, что в средней полосе России во многих губерниях нет необходимого количества земли для поддержания благосостояния всех крестьян, следовательно, после выкупа повинностей у помещика можно разрешить им свободное переселение на те территории, где больше свободной земли.

В то время, когда развернулась работа губернских комитетов по крестьянскому делу, в дворянской среде весьма распространенной становится концепция предстоящей реформы, близкая по своему содержанию правительственной программе 21 апреля 1858 г. На тот момент правительство допускало выкуп крестьянами усадебной земли и передачу им в пользование пахотной земли за определенные повинности. В 1859–1860 гг. аналогичной точки зрения придерживались многие помещики, в то время как само правительство постепенно переходило к пози-

ции признания необходимости наделения крестьян не только усадебной, но и пахотной землей. В качестве примера можно привести «Проект положения о прекращении крепостной зависимости», составленный князем С.М. Воронцовым, графом А.П. Шуваловым, графами В.А. и А.П. Бобринскими [13, л. 1-13]. Его авторы принадлежали к наиболее знатным дворянским фамилиям, их объединял опыт военной и придворной службы, при этом все они в той или иной мере проявляли живой интерес к делам дворянского сословия. Стоит отметить, что на момент составления этого документа все они находились на службе, но при этом также были помещиками. Согласно точке зрения авторов данного проекта, освобожденные от крепостной зависимости крестьяне должны были получить от помещика безвозмездно в бессрочное пользование усадебную и огородную землю. Каждое крестьянское общество помимо этого наделялось поземельными угодьями в пользование за определенные повинности в пользу помещика [13, л. 4-5об.]. Заметим, что речь в обоих случаях идет лишь о праве пользования крестьянами помещичьей земли, а не о выкупе даже незначительной их части. Впрочем, проект предусматривал и возможность выкупа усадебной оседлости, а также выкупа надела, но только лишь в течение определенного ограниченного срока.

Этот проект по своему основному смыслу был направлен на такую реформу в деревне, когда превалирующее значение получил бы вопрос о земельной собственности. Все повинности и налоги привязывались к земле, отказ от земли вел за собой снятие вопроса о повинностях. В числе главных исходных пунктов этого документа можно назвать признание за крестьянами сразу после оглашения реформы всех личных прав свободных податных сословий государства, причем речь не шла о возможном выкупе личности крестьян или их повинностей. Стоит добавить, что авторы выступали с ходатайством о допущении в состав дворянского собрания землевладельцев всех сословий.

Значительная группа проектов, представленных на рассмотрение Главного комитета по крестьянскому делу с 1857 до 1860 г., особое внимание посвящает рассмотрению финансовой стороны предстоящей отмены

крепостного права, а конкретно – организации выкупа.

Существовавшая накануне отмены крепостного права значительная задолженность помещичьих хозяйств кредитным учреждениям заставляла владельцев поместий искать приемлемый для себя выход, в т. ч. за счет освобождающихся крестьян. Такой проект был предложен А.О. Армфельдом. Профессор судебной медицины Московского университета, известный педагог, владелец имения в Можайском уезде Московской губернии, в целом он был человеком достаточно передовых взглядов. Одна из его дочерей впоследствии стала революционеркой, участницей народнического движения. В своем проекте, датированном январем 1858 г., А.О. Армфельд выступал за наделение крестьян усадебной землей и передачу им во временное пользование пахотной, сенокосной и выгонной земли за известную плату. При этом долг помещиков казне немедленно переводился на крестьян, «по числу душ, без изменения срока, с предоставлением желающим права внести всю капитальную сумму и ранее этого срока» [14, л. 9-9об.]. По истечении определенного периода вся земля, кроме отведенных крестьянам усадеб, должна быть возвращена владельцу-помещику.

Проект В.К. Ржевского, члена Орловского губернского комитета по крестьянскому делу, датированный февралем 1858 г., предусматривал иной, достаточно оригинальный способ погашения долгов помещиков перед казной. В.К. Ржевский рассматривал возможность выкупа крестьянами у помещика не только усадебной, но и остальной земли. Для финансового обеспечения операции он предлагал образовать специальное акционерное общество, наделив его широким кругом полномочий и возможностей. Это общество должно было бы предоставлять ссуды крестьянам на покупку земли, но не индивидуально, а сразу целым крестьянским мирским обществам, которые несли бы совокупную ответственность за платежи крестьян, обладая правом удалять из своих рядов неисправных плательщиков. При этом цена земли не могла быть слишком завышена, дабы крестьяне имели возможность ее купить. «За полученную ссуду крестьяне обязаны платить ежегодно 6 и 1 % в уплату капитала, так чтобы долг мог быть погашен в 33 года» [14,

л. 12-12об.]. Предполагалось, что для выкупа на каждую ревизскую душу следует отвести две десятины земли по цене от 10 до 40 руб. за десятину. Надо сказать, что хотя размеры наделяемого участка были явно недостаточными для полноценного ведения крестьянского хозяйства, предполагаемая В.К. Ржевским цена земли действительно не была слишком велика. Это становится особенно понятно, если принять во внимание, что автором проекта был помещик черноземного края, где земля ценилась особенно высоко.

К числу широких полномочий акционерного общества-посредника выкупной операции относились: право выпускать особые срочные облигации на определенную сумму под наблюдением правительства, а также акции для продажи на свободном рынке; «уплачивать помещикам за купленную у них крестьянами землю 1/3 часть суммы наличными деньгами и 1/3 облигациями, а остальную треть акциями»; «переводить на себя долги кредитным учреждениям, с обязанностью продолжать срочные платежи по прежним обязательствам, независимо от сбора платежей с крестьян» и т. д. [14, л. 12об.-13]. Этот проект интересен, прежде всего, тем, что он основан на взаимодействии правительства и частной инициативы, общества. Автор особенно выделял в качестве важнейшего достоинства своей программы то, что она не потребует от правительства никаких финансовых затрат. Тем не менее, предполагаемая высокая степень участия общества в реализации системно важной реформы, каким была отмена крепостного права, возможно, стала одной из причин, почему этот проект остался невостребован правительственными чиновниками.

Один из вариантов решения проблемы выкупа крестьянами земли представлен в проекте помещика Михайловского уезда Рязанской губернии П.Н. Шепелева. Поскольку это предложение было датировано 5 марта 1860 г., когда принципиальный вопрос об освобождении крестьян с землей за выкуп уже был одобрен правительством, автора заботит, прежде всего, как будут обеспечены права собственности дворян. Само освобождение крестьян он предлагает произвести как можно быстрее. В то же время, относительно размера выкупаемого надела земли, П.Н. Шепелев сетует, что Редакционные комиссии,

«без знания местных удобств, потребностей и средств, без всяких оснований отвергли назначение губернского комитета и произвольно увеличили назначенные нормы вдвое и более» [7, л. 150]. Что же касается долговых обязательств, обременяющих помещичьи хозяйства, то он предлагал переложить их на земли, выкупаемые у владельцев имений крестьянами, рассрочив им уплату этого долга на 37 или более лет. По его расчетам выходило, что выкупаемого количества земель будет достаточно для погашения долгов. Остальные земли, свободные от залога, помещики имели бы возможность заложить в кредитные учреждения, а полученные ими суммы могли бы составить капитал, необходимый для переориентации помещичьих хозяйств на использование вольнонаемного труда [7, л. 150об.].

Совершенно очевидно, что данный проект, в первую очередь, выражал интересы той части помещиков, имения которых были заложены и перезаложены до крестьянской реформы, и которые надеялись на нее как на быстрый способ решения своих экономических проблем.

Весьма интересной с точки зрения знакомства с распространенными в обществе экономическими концепциями можно назвать записку Д.Н. Шереметева об основных принципах освобождения крестьян, составленную в период работы дворянских губернских комитетов. Автор записки, крупнейший латифундист, всю жизнь осознанно занимался благотворительностью, с большой отзывчивостью отнесся к готовящейся отмене крепостного права. Он считал ее чрезвычайно актуальной, поскольку прежние патриархальные отношения помещиков и крестьян уже совершенно отжили, и поэтому необходимо заменить их более рациональными, основанными на свободном труде [15, л. 2об.]. Причем преимущества свободного труда перед подневольным трактуются автором как аксиома. Важным тезисом, отстаиваемым Д.Н. Шереметевым, было положение о невозможности постепенного освобождения крестьян – в этом пункте он, по сути, оппонировал правительственной концепции реформы. Автор записки настаивает на том, что «полумеры... порождают антагонизм, ибо поселяют в крестьянах уверенность, что правительство желает освобождения, но что по-

мещики противопоставляют этому всевозможные препятствия» [15, л. 9].

Оптимальным решением крестьянского вопроса автор записки считал освобождение крестьян с наделением их необходимым количеством усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли, при этом помещики «в видах сохранения справедливости» должны получить вознаграждение как за выкупаемую землю, так и за личность бывших крепостных. Что любопытно, Д.Н. Шереметев считал необходимым облегчить тяжесть выкупа крестьян, распределив необходимую сумму между всеми сословиями Российской империи и всеми разрядами ее населения, поскольку крепостное право существовало как государственная система, и его уничтожение также должно быть общим делом [15, л. 60-65].

Среди дворянских проектов будущей крестьянской реформы, различающихся по своему происхождению, существует группа документов, содержащих предложения, которые на момент своего появления превосходили своей решительностью правительственную программу, которая, в свою очередь, также претерпевала со временем существенные изменения.

Наиболее радикальный способ решения крестьянского вопроса отстаивался тверским дворянством во главе с губернским предводителем дворянства А.М. Унковским. В тверском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян точку зрения губернского предводителя дворянства разделяло большинство членов. Эта точка зрения предполагала полное освобождение крестьян с землей, что подразумевало выкуп не только усадебной, но и надельной полевой земли. А.А. Корнилов совершенно справедливо заметил, что подобный взгляд на разрешение крестьянского вопроса в полной мере отвечал интересам помещиков нечерноземной полосы, если подойти к ним с достаточной долей здравого смысла [2, с. 181]. В то же время сам А.М. Унковский во время заседаний губернского комитета по крестьянскому делу утверждал, что «поддержание помещичьих хозяйств... может и должно быть принимаемо в расчет только в видах обеспечения общего народного продовольствия и государственного хозяйства, а никак не в видах сохранения частных интересов некоторых помещиков. Поэтому мы будем говорить

о поддержании помещичьих хозяйств настолько, насколько оно не противоречит общей государственной пользе» [16, л. 5об.]. Здесь, как мы видим, идет речь о достаточно верно понятом удачном сочетании интересов определенной части владельцев имений и государства, намеренного упразднить крепостное состояние, при этом интересы государства выдвигаются на первый план.

Программа решения крестьянского вопроса, отстаиваемая А.М. Унковским, была им выработана еще до открытия губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Основные положения своей программы он изложил в записке по крестьянскому делу, составленной им в соавторстве с А.А. Головачевым после обнаружения высочайших рескриптов от 20 ноября и 5 декабря 1857 г.

Следует отметить, что одной из немаловажных идей этой записки являлось признание прав помещика на вознаграждение не только за землю, отходящую крестьянам, но и за личность самих крестьян. При этом авторы документа полагали справедливым, что вознаграждение за людей будет возложено на государство, а земли будут выкупать сами крестьяне [17, с. 104]. Таким образом, этот элемент программы А.М. Унковского мог быть поддержан значительным числом помещиков, и вполне определенно противоречил намерениям правительства. Кроме того, в данной записке отрицается необходимость переходного периода, выдвигается тезис о скорейшем прекращении любых взаимных обязательств между бывшими крепостными и их владельцами [18, с. 103-104].

В то же время, уже во время заседаний тверского губернского комитета по крестьянскому делу, А.А. Головачев считал необходимым не только высказаться в пользу существования самого переходного периода, во время которого будет сохраняться временно-обязанное положение крестьян, но и за сохранение на это время обязательного труда крестьян (модифицированной барщины). Достаточно интересно познакомиться с системой экономических доказательств, приводимых А.А. Головачевым, представленной в особом мнении этого депутата к заседанию губернского комитета от 22 сентября 1858 г.

Полемизируя с депутатом Змиевым, который высказался за уничтожение обязатель-

ного труда даже на время переходного периода и о замене его денежными повинностями, А.А. Головачев рассматривает помещичье хозяйство как промышленное предприятие, которое для своей успешной деятельности нуждается в капитале, как в основном, так и оборотном [19, л. 1]. В качестве основного капитала помещичьего хозяйства он рассматривал не только землю, но и обязательный труд крестьян. Отметим, что к подобной мысли приходило значительное число помещиков, отстаивающих различные варианты решения крестьянского вопроса. Продолжая далее цепь своих рассуждений, А.А. Головачев делает вывод о том, что внезапное уничтожение обязательного труда неизбежно лишает помещика не только оборотного капитала, но и части основного. При этом денежный оброк, который продолжили бы выплачивать крестьяне в переходный период, не может заменить оборотного капитала, поскольку его не уплачивают впрок. Что же касается основного капитала, то оброк представляет собой лишь проценты с этого капитала, а не сам капитал; «между тем как помещику при самом начале наемного хозяйства нужен капитал, а не проценты с него» [19, л. 1об.]. И снова, как у многих современников-помещиков, звучит тезис о необходимости свободных капиталов для переориентирования хозяйств на использование вольнонаемного труда. Автор данного «мнения» допускает использование ипотечных банков в качестве источника этих свободных капиталов, но для их создания тоже нужно было время.

Наконец, по мнению А.А. Головачева, новые условия хозяйствования потребуют использования сельскохозяйственных машин, производство которых в России еще не налажено. Также по известным причинам практически отсутствует рынок свободной рабочей силы в деревне. Исходя из всего вышеперечисленного, вывод А.А. Головачева о необходимости переходного периода, когда возможно будет использование как обязательного, так и вольнонаемного труда, не кажется произвольным.

Проекты разрешения крестьянского вопроса, близкие по содержанию программе тверского либерального большинства, составлялись авторами из различных губерний, в т. ч. из Московской. В качестве примера

можно привести «Записку дворянина Звенигородского уезда Д.А. Неронова об основаниях предстоящего освобождения крестьян от крепостной зависимости» от 17 февраля 1858 г. Ее автор входил в круг лиц, близких по взглядам Д.А. Ровинскому, видному представителю либерального меньшинства Московского губернского комитета.

Д.А. Неронов, прежде всего, заявляет о стремлении соблюсти справедливость и в отношении самостоятельности крестьянина, как нового члена гражданского общества, и права собственности помещика [20, л. 1об.]. Он также не отрицает существования права помещика на труд (или личность) крестьянина. Автор записки считает, что крестьянина следует наделить, помимо усадебной, пахотной землей в размере двух десятин на душу, что в среднем составит пять десятин на тягло. Он настаивает на том, что освобождение крестьян должно произойти везде одновременно.

Для разрешения финансовой стороны выкупа Д.А. Неронов предлагает способ, подобный тому, который практиковался различными кредитными учреждениями того времени. В каждой губернии предполагалось создать специальный комитет, избираемый из местных дворян для осуществления реформы. Этот комитет должен был оценить ту собственность, которой лишился помещик, включая стоимость земли и оценку труда крестьянина. Затем следовало размежевание земель на основании взаимного соглашения помещика и крестьян. После этого каждому помещику комитетом выдавался специальный сертификат, где указывается конкретное число душ и количество земли, подлежащих выкупу, а также сумма, на которую они были оценены. Если помещик закладывал свое имение в кредитных учреждениях, то эти сведения также должны быть отражены в выданном сертификате. Оставшиеся же у помещика земли оказывались свободными от долгов [20, л. 2об.-3].

Проект Д.А. Неронова предполагал, что сумма долга крестьян будет погашаться за счет выплаты ими оброка, рассчитанного исходя из шести процентов с той суммы, в которую оценена их личность и выкупаемая ими земля. Этот оброк должен был поступать в местный комитет, отвечающий за проведение реформы. Из шестипроцентного оброка

5 % (5/6) комитет выплачивает помещику. Оставшаяся часть – 1/6 оброка – должна остаться в самом комитете. Эти суммы предполагалось тратить на покупку сертификатов на местах, начиная с меньших имений, согласно жребию. «С погашением всех сертификатов сбор оброка с крестьян прекращается, и они делаются свободными крестьянами, поселенными на своих собственных землях, и подлежат будут только платежу одних подушных казенных повинностей» [20, л. 3об.].

Коренное отличие данного проекта крестьянской реформы от правительственного составляет открытое признание прав помещика на выкуп не только крестьянских земель, но и самой личности бывшего крепостного. Впрочем, как неоднократно отмечалось многими исследователями реформы 1861 г., скрытый выкуп крестьянской личности фактически был заложен в чрезмерно высокой оценке малопродуктивных участков нечерноземных губерний. Кроме того, в проекте Д.А. Неронова выкупная операция должна была стать делом выборных местных дворянских комитетов, наделенных широкими полномочиями. Вряд ли правительство могла устроить столь значительная доля участия общества, пусть и дворянского по своему социальному составу, в решении финансовых задач общегосударственного масштаба.

Тем не менее, после завершения дебатов о предстоящей крестьянской реформе в губернских комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян, и даже после окончания деятельности Редакционных комиссий, вызвавшей массу критических откликов в помещичьей среде, в дворянском обществе по-прежнему сохранялись разнонаправленные представления о возможных проектах отмены крепостного права. При этом значительная масса дворянства, особенно провинциального, сохраняла надежду на такой вариант развития событий, когда правительство, наконец, поймет беспочвенность своих ультра-реформаторских идей и обратится к реальным насущным проблемам, волнующим дворян-помещиков – «соль земли русской». Идея отмены крепостного права сама по себе все же утвердилась в сознании высшего сословия, но весьма спорным для многих был вопрос о способах осуществления реформы.

Вся масса проектов, составленных различными представителями дворянства, сыг-

рала роль необходимой информационной среды, в которой происходило постепенное оформление окончательного варианта крестьянской реформы. О том, что правительственная бюрократия весьма чутко прислушивалась к голосу высшего сословия, которое в то же время было сословием землевладельцев, свидетельствуют многие факты. Ни один из дворянских проектов, направленных как на высочайшее имя, так и в адрес Главного комитета по крестьянскому делу, а также в другие инстанции, не был оставлен без внимания. Их содержание было внимательно проанализировано, оценено с точки зрения возможности использования интересных и здравых предложений, наконец аннотировано и прокомментировано. Проекты губернских дворянских комитетов в той или иной степени были использованы в работе Редакционных комиссий. Кроме того, общественное мнение формировалось и со стороны печати, в которой вопрос отмены крепостного права также достаточно активно обсуждался в конце 50-х гг. XIX в. Если конкретные положения отдельных частных или коллективных дворянских проектов и не стали элементом правительственной программы, тем не менее, самим фактом достаточно широкого обсуждения проблемы в обществе, пусть в рамках среды высшего сословия, был задействован уникальный для отечественной истории механизм принятия решений, удачно сочетающий общественную и государственную инициативу.

В целом же анализ совокупной массы дворянских проектов крестьянской реформы, в которых зачастую в тесной взаимосвязи находится система экономических взглядов и политические предпочтения, позволяет исследователю лучше понять, почему правительственная программа отмены крепостного права стала именно такой, какой мы ее знаем. Отталкиваясь от тех проектов, которые по той или иной причине оказались неподходящими для либеральной бюрократии, можно с большей степенью достоверности понять отстаиваемые ею приоритеты. При всей значимости предпринятой правительством крестьянской реформы нельзя не отметить, что сама подготовка ее вызвала к жизни огромную волну дворянской активности, спровоцировала интенсивное осмысление важнейших наиболее актуальных вопросов со-

циально-экономической политики. Далеко не единодушная, сложная реакция на готовящуюся отмену крепостного права в дворянском обществе в то же время позволяла правительству маневрировать и использовать те сегменты общественного мнения, которые были ему наиболее близкими. Можно сказать, что чиновники, готовившие реформу, пользовались плодами коллективного разума образованного меньшинства российского общества, но по своему собственному усмотрению. В сфере экономической политики, как и на других, наиболее значимых направлениях преобразований, не могло быть и речи об инициативе любой силы, кроме власти. Это касалось всех подданных государства, включая высшее сословие, представители которого в значительной части формировали персональный состав этой самой власти, ведь даже император нередко называл себя первым дворянином. Но слова не меняли сути дела – в отмене крепостного права основная и инициативная роль принадлежала, конечно, государству.

1. *Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. Спб., 1882.
2. *Корнилов А.А.* Губернские комитеты по крестьянскому делу // Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. Спб., 1905.
3. *Дружинин Н.М.* «Журнал землевладельцев» (1858–1860 гг.). // Избранные труды: социально-экономическая история России. М., 1987.
4. *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
5. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. (Опыт статистической характеристики сословно-классового населения русского государства). Спб., 1912.
6. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.
7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 82.
8. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 80.
9. Мемуары П.П. Семенова Тян-Шанского: в 4 т. Пг., 1915. Т. 3. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861).
10. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 898. Оп. 1. Ед. хр. 25.
11. ГАРО. Ф. 898. Оп. 1. Ед. хр. 3.
12. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 86.
13. РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ед. хр. 159.
14. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 111.

15. РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 669.
16. ГАТО (Государственный архив Тверской области). Ф. 148. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 1846.
17. Записка А.М. Унковского по крестьянскому делу // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 98-108.
18. Записка А.М. Унковского и А.А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857 г.) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1992. Т. 2-3. С. 98-118.
19. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1822.
20. ЦГА Москвы (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. 1650. Оп. 1. Ед. хр. 25.
6. *Kozlov S.A.* Agrarnye traditsii i novatsii v doreformennoy Rossii (tsentral'no-nechernozemnye gubernii). М., 2002.
7. РГИА (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 82.
8. РГИА. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 80.
9. Мемуары P.P. Semenova Тьян-Шанского: в 4 т. Pg., 1915. Т. 3. Epokha osvobozhdeniya krest'yan v Rossii (1857–1861).
10. GARO (Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoj oblasti). F. 898. Op. 1. Ed. khr. 25.
11. GARO. F. 898. Op. 1. Ed. khr. 3.
12. РГИА. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 86.
13. РГИА. F. 1092. Op. 1. Ed. khr. 159.
14. РГИА. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 111.
15. РГИА. F. 1088. Op. 1. Ed. khr. 669.
16. ГАТО (Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoj oblasti). F. 148. Op. 1. T. 2. Ed. khr. 1846.
17. *Zapiska A.M. Unkovskogo po krest'yanskomu delu // Konets krest'yanstva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i).* М., 1994. С. 98-108.
18. *Zapiska A.M. Unkovskogo i A.A. Golovacheva o nedostatkakh pravitel'svennoy programmy krest'yanskoy reformy (1857 g.) // Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svitel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh.* М., 1992. Т. 2-3. С. 98-118.
19. ГАТО. F. 148. Op. 1. Ed. khr. 1822.
20. ТсГА Москвы (Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy). F. 1650. Op. 1. Ed. khr. 25.
1. *Ivanyukov I.I.* Padenie krepostnogo prava v Rossii. Spb., 1882.
2. *Kornilov A.A.* Gubernskie komitety po krest'yanskomu delu // Ocherki po istorii obshchestvennogo dvizheniya i krest'yanskogo dela v Rossii. Spb., 1905.
3. *Druzhinin N.M.* "Zhurnal zemleladel'tsev" (1858–1860 gg.). // Izbrannye trudy: sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii. М., 1987.
4. *Zakharova L.G.* Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii. М., 2011.
5. *Rubakin N.A.* Rossiya v tsifrah. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy. (Opyt statisticheskoy kharakteristiki soslovno-klassovogo naseleniya russkogo gosudarstva). Spb., 1912.

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.

UDC 94(47).081

SOCIO-ECONOMICAL PROGRAM OF RUSSIAN LOCAL NOBLE PEOPLE IN PEASANT REFORM PREPARATION PERIOD

Natalia Matveyevna SELIVERSTOVA, Russian Chemical-Technological University named after D.I. Mendeleev, Moscow, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of History and Political Science Department, e-mail: nseliverstova@mail.ru

One of the key moments in the Russian history is the abolition of serfdom. However, till now has not been studied in detail the socio-economic program of the landed gentry in the period of preparation of the peasant reform. Being side very interested in the results of the reform, the owners of estates were engaged in active dialogue with the government on the eve of the abolition of serfdom. The reserch aims to show the process of developing the socio-economic program of the landed gentry in connection with the start a discussion of abolition of serfdom, its gradual transformation in process of changing the government program of the peasant reform. The most important factors determining the content of the program, its main elements, including attitudes toward the serfdom, personal and property rights of the peasants, and organization of land purchase are examined. The archival material, including unpublished noble projects of abolition of serfdom addressed in the Main Committee on Peasant Affairs is widely used. It is concluded that the feedback existed between the government program of abolition of serfdom and the socio-economic program of the landed gentry, which was formed in pre-reform period.

Key words: nobility; peasantry; serfdom; landlords; the peasant reform of 1861.